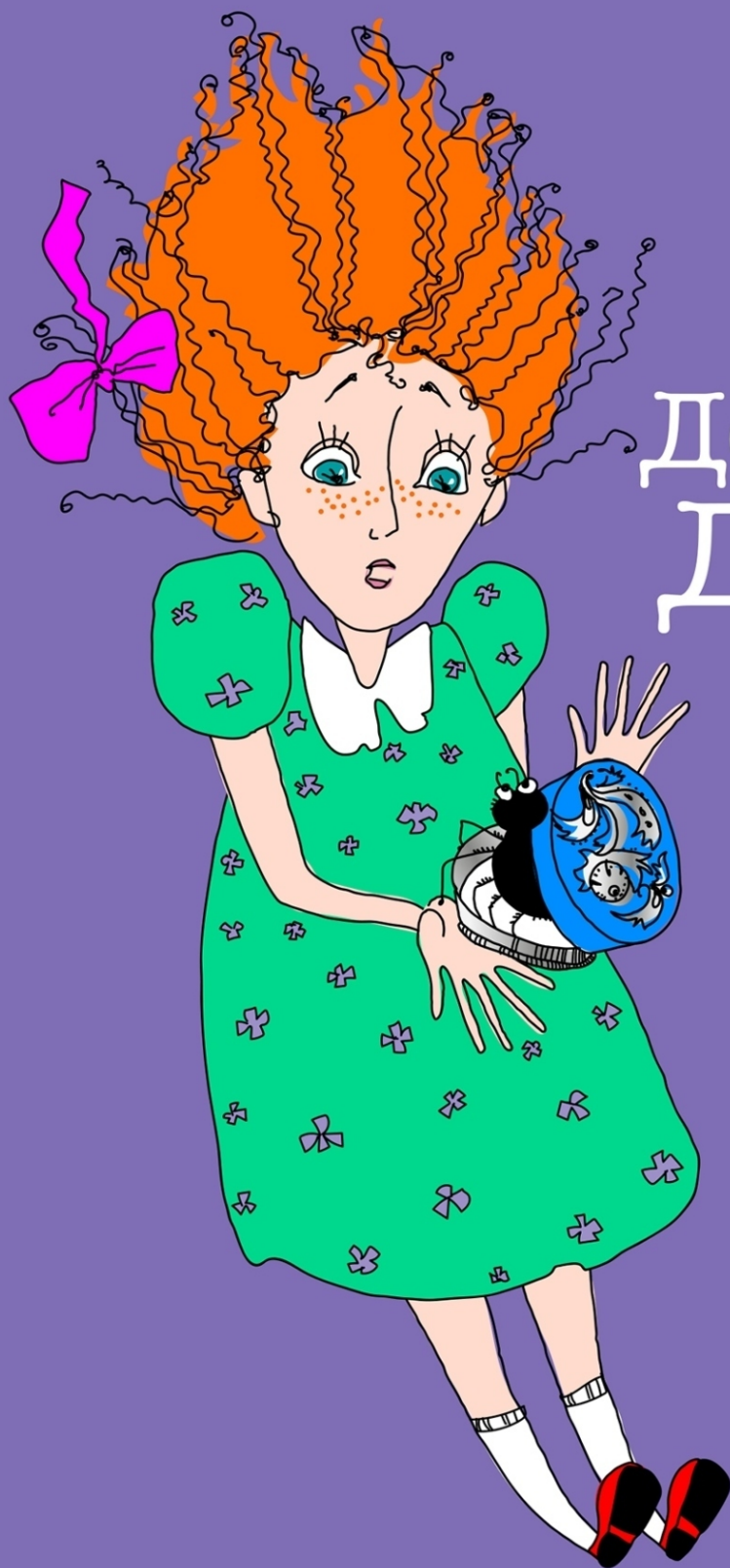
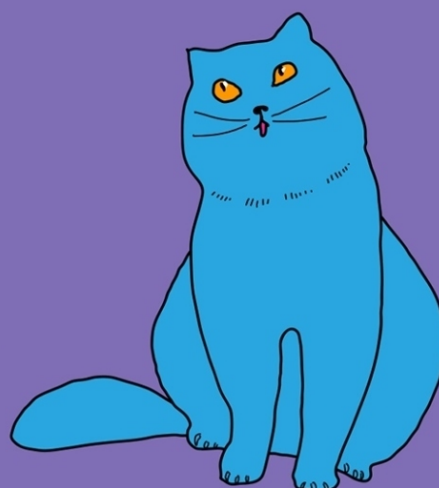

Елена Колкина

Дорогая
Дуся

Елена Колина
Дорогая Дуся

«Вимбо»

2021

Колина Е.

Дорогая Дуся / Е. Колина — «Вимбо», 2021

ISBN 978-5-00224-617-5

«Дорогая Дуся» Елены Колиной – обаятельная история о том, как по-разному видят мир дети и взрослые. Как у каждого человека, у талантливой девочки Муры из хорошей питерской семьи есть Своймир. Своймир находится на Фонтанке в квартире на третьем этаже флигеля напротив Аничкова дворца. Главный в Своеммире – Дед, доктор Очень Сложных Для Понимания Наук, беспартийный, а также его жена – Главная бабушка, и еще пупсики. Главную бабушку зовут Дуся, и Мура хочет быть с Дусей всегда. Муре всего семь, но она сама прочитала «Калевалу», говорит на двух языках и умеет возводить в квадрат. Мура всегда участвует во взрослых разговорах, и ей есть что сказать: она уже все знает про жизнь, про романы и про любви, а еще слова «интеграл» и «энтропия». Кроме того, Мура знает, что родилась на свет от глупости ее мамы Лизы и секса. Лиза, понимает Мура, еще не взрослая, хоть и окончила детский сад, школу, университет и учится в аспирантуре. А Мура, хоть еще и не взрослая, но уже точно не маленькая. Как бы взрослый и ребенок ни были близки, каждый из них находится в собственном Своеммире. И так трудно бывает услышать друг друга из этих отдельных миров! Елена Колина пишет легко и удивительно смешно без малейшей нарочитости, пронизательно ухватывая самые мимолетные тонкости человеческих эмоций. «Дорогая Дуся» вдохновляет нас посмотреть на себя с давно забытого ракурса и увидеть то, что мы успели забыть, но знали, когда наш мир был нежным.

ISBN 978-5-00224-617-5

© Колина Е., 2021

© Вимбо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена Колина Дорогая Дуся

Иллюстрация: Юлия Стоцкая

© Елена Колина

© ООО «Вимбо»

Мы ведем своего любимого ребенка за руку, мы всецело вместе, но каждый из нас, при самой нежной любви, находится в своем мире: ребенок, к примеру, переживает из-за двойки, а у нас страстный роман, или у ребенка роман, а у нас двойка... и так мы идем, держась за руки, любя друг друга, всецело вместе и полностью отдельно. Когда-то я придумала Своймир, о котором рассказал ребенок, а теперь эти смешные истории рассказывает взрослый, – и это совершенно другой Своймир! И я очень надеюсь, что вы почувствуете то же, что чувствовала я, когда писала эту книгу, – наши Своимиры идут рядом, держась за руки, отдельные, и всё же всецело вместе.

Глава 1

Пушкин отравит Муру

Время и место действия – детство

В день, когда Мура, принцесса двух королевств, пошла в школу, все говорили плохие слова: «когнитивный диссонанс» и «жопа». Плохие слова Деда были «когнитивный диссонанс», Мурины плохие слова были «сволочь» и «жопа». «Жопа» было самое плохое слово на свете, даже «попа» было неважное слово. Дед иногда говорил: «У Муры мемориальная попа», имея в виду, что она своей личной попой сидит на коленях у разных вполне исторических личностей, но даже в этом контексте «попа» звучало двусмысленно, ведь всем воспитанным людям известно, что попы у человека как бы нет...

Что касается других частей тела, то чаще всего в доме упоминались уши. «Здесь чьи-то уши», – предостерегающе говорил кто-то из взрослых, имея в виду Мурины, или: «Это не для детских ушей». Мурины уши так много всего недетского слышали! Например, откуда бывают дети. Дети бывают у кого от ума, у кого от глупости, у некоторых от секса. Лично она, Мура, родилась от глупости и секса. Мура знала, зачем ее маме, Лизе, в семнадцать лет нужен был секс: чтобы был. Без секса Лиза считала себя хуже других, а с сексом лучше других. Всё, что Мура подслушала насчет секса, было ей совершенно понятно: когда у тебя есть что-то, чего нет у других – секс, новый велосипедик, Барби, – может показаться, что ты лучше других. Дед говорил: «Дорогая Мура, никогда не думай, что ты лучше других, это крайне глупо, человек всегда лучше других только в собственных глазах». Лиза, получается, Деда не слушалась, от Лизиной глупости и секса родилась Мура.

Всё, что не предназначалось для детских ушей, в них попало: сплетни, романы, измены, разводы. Мура так много знала того, чего знать нельзя, что Мурины уши могли бы написать роман и назвать его «Любовь и измены» или «Супружеская жизнь» и даже «Психология сексуальности».

У Муры, кроме ушей и попы, были еще талант и красотища. Дед говорил о ней: «Талант и красотища все спишут». В сущности, этим все сказано: Мура талантливая красотка, и есть что списывать.

Ну, с красотой ясно, Деду очень нравилась его Мура, но какой же у Муры был талант? Мурин талант был... о-о, у Муры был не один талант, у нее было множество талантов: талант подслушать, все знать, талант интерпретировать свои знания о мире, талант делать вид, что вникает в то, что ей говорят, и задавать правильные вопросы, талант моргать сообразительно и понимающе, талант приластиться, талант выпрашивать, талант вставить словцо в разговор взрослых... совершенно очевидно, что талантов у Муры не счесть.

Как у каждого человека, у Муры был Своймир. Своймир был прекрасен, как компот, а изюмом и черносливом этого мира были Дед, Главная бабушка, Барби, а также пупсики.

Центральное место в Своеммире принадлежало Деду. Дед и в других мирах был не последним человеком. Главная бабушка, Дуся, в других мирах была не так известна, как Дед, но она была главной по Муре. Что Муре надеть, что читать, можно ли начать учить ее рисовать графики и извлекать корни и когда Мура будет готова к школе. Главная бабушка утверждала: в десять лет. В десять лет ребенок уже готов к школе. Ее не смущало, что в десять лет Муру не примут в первый класс. «Не примут, и не надо», – говорила Дуся, намекая, что на домашнем обучении еще никто не пропадал. Дед говорил, что это типичный случай солипсизма. Мура думала, что соплесизм – это насморк, и старалась не шмыгать носом, ведь из-за соплесизма ее

не примут в школу. Но оказалось, это не насморк, а немного другое: Главной бабушке кажется реальным только собственное сознание.

– Дусенька, но как же образование? – спрашивал Дед.

– Я тебя умоляю, какое образование? Чистописание? Пение? «Жили у бабуси два веселых гуся»? Мура сама прочитала «Калевалу», говорит на двух языках... на трех, считая родной, умеет возводить в квадрат...

Тут не возразишь: Мура умела возводить в квадрат 2, 3, 4 и 5, кроме того, знала много умных слов, которых не знали другие дети: «интеграл», «производная», «энтропия», «электрон», а также «скобки». Дед ласково смотрел на Дусю, бормоча: «Ну, Дусенька, тебе решать, но все же элитарное образование не заменит эгалитарное...» – и уходил в кабинет писать свои закорючки. Дуся ласково смотрела вслед Деду, бормоча: «Ну, ты известный зануда».

Дед был не столько «известный зануда», сколько известный ученый.

Итак, Дед: 55 лет, физик, профессор, доктор Очень Сложных Для Понимания Наук, русский, беспартийный. Никто, ни гости, ни случайный водопроводчик, не смог бы перепутать Деда с Мурой или Главной бабушкой, Деда с легкостью можно было отличить от всех остальных людей в доме: у него в руке всегда была ручка. Дед записывал свои закорючки где придется: на газете, на салфетке, на скатерти. Закорючками он выражал свои мысли, как другие люди выражают свои мысли словами. У Муры мысли были длинные, а у Деда короткие: подумает и сразу запишет закорючками.

В жизни Деда было одно правило: начинать утро с работы и работать весь день, а у Муры и ее мамы, Лизы, было много правил: слушаться старших, не грубить, не читать самиздат в метро, доедать все до конца, хорошо учиться в аспирантуре, не показывать пальцем, не кричать, не возражать, не огорчать, не совершать... в Муриной жизни было особенно много правил, прямо с утра начинались правила: умываться, делать зарядку, завтракать, все доесть, в любую погоду идти по Фонтанке в Летний сад с Совсем Не То.

Совсем Не То была няня. За глаза ее называли «Не то что няня Пушкина, совсем не то», а когда не было времени произносить такое длинное имя, – просто «Совсем Не То». Например: «Совсем Не То приготовила борщ».

В Летнем саду няня старалась найти скамейку, на которой уже кто-то сидел, садилась и заводила разговор. Мура болталась вокруг скамейки. Няне было бы удобней разговаривать, посадив Муру на соседнюю скамейку и привязав ее к скамейке поясом от пальто, но Мура болталась тут же, и няня шепотом рассказывала, что работает у «богатых», перечисляла признаки богатства: телевизор, магнитофон, джинсы, машина «москвич» и она, няня. Говорила, что хозяйева у нее нормальные, Дуся – еврейка, хозяину повезло, что у него молодая жена-красавица, но Дусе еще больше повезло выйти замуж за «богатого». Совсем Не То говорила: «Наш дед – это вам не баран чихнул», статус Деда в ее глазах все же определялся не «богатством», а профессиональным успехом, что, конечно, делало ей честь. Совсем Не То все время мелькала перед глазами, но в Своймир не входила, Мура любила ее не больше стола или стула.

Центральное место в Своеммире было занято Дедом, а второе центральное (бывает и два центральных места, как будто король и королева сидят рядом на троне) принадлежало Главной бабушке, Дусе.

Муре все семейные подробности были известны: Дуся – «вторая жена», «молодая жена», а первая жена Деда, мать Лизы, умерла давно. Мура не знала, когда именно, но давно, давно для Муры означало «дореволюции». Знала, что Лиза недолюбливает Дусю за то, что она «молодая жена», хотя и одобряет за то, что «у нее хотя бы нет детей», – так говорила Лиза своим подругам.

Итак, Дуся, Главная бабушка: 40 лет, золотая медаль, красный диплом, преподаватель английского языка в Медицинском институте, беспартийная, еврейка, красавица.

Ох, какая же Дуся была красавица! Про Главную бабушку гости говорили «вылитая Вивьен Ли», «похожа на красавицу девятнадцатого века, которую преследуют превратности судьбы», и «как будто сошла со старых открыток с Линой Кавальери», и «лучший образец иудейской красоты». Иногда Мура сама придумывала комплименты и передавала их Дусе якобы от гостей. Например: «Гости сказали, что ты самая красивая в мире и тебе нужно носить делькате». Этот комплимент был особенно удачный, его часто цитировали. Мура считала, что Главная бабушка слишком застенчива, всего боится (студентов, своего заведующего кафедрой, жизни в целом и мышей на даче), и ей пойдет на пользу лишний раз узнать, что она самая красивая в мире.

Больше всего на свете Главная бабушка боялась, что Мура вспотеет. Почти так же сильно Главная бабушка боялась, что Мура замерзнет. Дуся все время сомневалась и мучилась: если надеть Муре платок под шапочку, Мура вспотеет, если не надевать платок, замерзнет. То же и с кофточкой: либо вспотеет, либо замерзнет. Было и другое страшное слово – продует. По Дусиному мнению, жизнь Муры состояла из опасностей и угроз, среди которых были экзотические опасности (ураганы, самовозгорание, зыбучие пески) и каждодневные опасности: вспотеет, продует, замерзнет, простудится, заработает воспаление легких.

Дуся, говоря с мужем, называла Муру «она». Муре делали замечание «не говори о человеке в его присутствии в третьем лице», но между ними Мура всегда была «она»: «она на сквозняке, закрой форточку», «ей нужны новые туфли», – хотя Мура находилась рядом.

«Она подкашливает, – расстроено говорила Дуся и, подумав, уточняла: – Она собирается начать подкашливать». Дед оценивал ситуацию и брал на себя ответственность: «Надень ей кофточку» или «Сегодня можно обойтись без платка».

– Ты, Дусенька, держала бы Муру в кровати, под одеялом в шапочке... а на прогулку вывешивала за окно в сетке, как курицу. Мура висела бы за окном в сетке, а ты бы трогала ей лоб и совала градусник.

У Главной бабушки при таком предположении робко и счастливо загорелись глаза: ах, если бы это было возможно, – в сетке, в шапочке! Какая была бы прекрасная жизнь! Она улыбалась, тихо и рассеянно, как будто знала главную тайну, о которой Дед не имеет понятия, и оттого бессмысленно пускаться с ним в споры. Они, все втроем, были очень счастливы... И да, температура! 36,8 вызывало у Дуси беспокойство, а 37,1 – это уже постельный режим.

Дуся занималась с Мурой английским и французским (французский Дуся учила в школе). Все остальное время они читали, Дуся приходила с работы, садилась читать и читала до чтения перед сном. Математикой занимался Дед, если он говорил, что сегодня занят, у Дуси страдальчески сжимались губы и она говорила «хорошо, мы сами», как будто он отправлял их на эшафот. Музыка и театр само собой, по пятницам они ходили в домашнюю филармонию: садились на диван и слушали пластинки – Бетховена, Моцарта, Шопена, Чайковского. Дуся Бетховена любила больше, Мура ненавидела всех одинаково. Она заваливалась за Дусину спину и зубами выдергивала ниточки на диване, однажды прогрызла дырку, которую заклеила пластилином, пластилин долго мыла с мылом, а потом мяла в руках, чтобы потерял цвет и стал под цвет обивки... А вот театров, в которые можно отвести детей дошкольного возраста, было совсем немного: Кукольный театр и Театр марионеток. Дуся научилась проводить Муру в ТЮЗ на спектакли «для детей младшего и среднего школьного возраста», для этого одевала ее и причесывала повзрослей и протягивала билет на контроле, будто невзначай закрывая Муру локтем.

Мура хотела быть с Главной бабушкой всегда. Да, насчет бабушки... Семь лет назад, когда родилась Мура и Дусю в шутку называли бабушкой, она засмеялась, но с тех пор так и пошло: Мура называла ее по имени, но говорила о ней «моя бабушка», и все к этому привыкли. Сейчас это трудно представить, но полвека назад Дусю это ничуть не смущало: по меркам

того времени хрупкая застенчивая Дуся считалась уже немолодой женщиной и к тому же была замужем за «пожилым человеком».

Между Дусей и Лизой не все было гладко, вернее, совсем не гладко. Лиза считала, что Дуся холодная и отстраненная, а Дуся считала, что Лиза жуткая, жутчайшая эгоистка. Но ведь это не удивительно? Они боролись за влияние на Деда, к тому же у них была неудачная разница в возрасте, слишком большая, чтобы стать подругами, и недостаточная для того, чтобы Лиза безоговорочно считала Дусю взрослой, мамой или мачехой... Впрочем, Лизе все было бы не то и не так, у Лизы было слишком много претензий, ожиданий, соображений, надежд.

Когда Дуся появилась в жизни отца, Лиза проявила немалое дружелюбие, она действительно хотела, чтобы они стали близкими людьми. Для нее это означало стать для Дуси любимой избалованной дочкой. Она немедленно забросала Дусю своими мыслями, своими чувствами, своими проблемами, всем своим, кинулась ей в руки, как мячик, – на меня, лови! Дуся не подняла рук, отступила – нет, не лови! Дусе хотелось спрятаться, когда на нее так наседают, она была с Лизой вежлива, настороженна и очень старалась вести себя идеально, взялась за Лизу будто окучивала грядку: Лиза была идеально вкусно накормлена, идеально заботливо и красиво одета (Дуся строго следила за тем, чтобы все было поровну – ей кофточку, Лизе кофточку, ей туфли, Лизе туфли), ну и конечно, Лизино здоровье находилось под тщательным Дусиным присмотром. Лиза говорила Деду: «Твоя жена честно выполняет долг, но я не долг, мне нужно, чтобы меня любили... Она у тебя какая-то холодная». Дед отвечал рассеянно: «Ей бы самой согреться», или «Долг – это уже очень хорошо», или «Ты тоже не подарок», или «Веди себя как взрослая».

Лиза вышла замуж как взрослая, родила как взрослая, из роддома привезла ребенка Дусе, получилось, что Мура родилась как будто у Дуси. Дуся наняла в помощь няню и принялась Муру растить, а Лиза, решила, пусть учится. Когда Лиза развелась и вернулась домой, оказалось, что ничего не изменилось, Лиза по-прежнему играла роль сложной дочери от первого брака, обижалась, что ее не любят: теперь она точно знает, что Дуся ее не любит, любит только Муру! Казалось бы, она должна быть благодарна за Муру, но Лиза никакой благодарности не чувствовала: хочешь быть бабушкой, так будь! Лиза неотчетливо считала, что это Дуся должна быть ей благодарна: она как бы дала ей Муру в долг, чтобы у Дуси с ее отцом был как бы общий ребенок... Странная ли это была семья? Не более чем другие.

Мура хотела быть с Главной бабушкой всегда. Внимательно следила, чтобы та постоянно находилась в поле ее зрения. Когда Дуся закрывалась в ванной, чтобы принять душ, Мура стояла под дверью и на одной ноте выводила «а-а-а», Дуся торопилась, обжигалась горячей водой, кричала: «Я тут, моя маленькая, я уже выхожу!» Дуся принадлежала Муре абсолютно, как только может один человек принадлежать другому, Мура с трудом отделяла себя от нее, и иногда ей даже казалось, что все это о ней: Мура – красавица девятнадцатого века, Мура со старых открыток, Мура – лучший образец иудейской красоты...

Лиза считала, что Мура избалованная и вредничает, но ведь она не знала, что происходит между ними, между Мурой и Дусей: Муре было так хорошо с Дусей, что все, что без нее, было невыносимо плохо. Лиза лучше многих могла бы это понять: если бы кто-то, без кого ей плохо, ушел в ванную, она бы тоже хотела, чтобы он поскорей вернулся.

Мура очень хотела с Лизой дружить. Мура много чего подслушала: что они с Лизой как будто два ребенка у родителей и Лиза борется за то, чтобы быть главным ребенком. Муре было жаль Лизу за то, что Дед и Дуся любят ее больше, а Лиза им надоела: то выйдет замуж, то разведется, то свой нос гладит...

– Из любви нос гладишь или чтобы стал меньше? – понимающе спрашивает Мура.

– Чтобы стал меньше. Если бы мой нос был меньше, я бы... – говорит Лиза.

Бедная Лиза, нос растет всю жизнь, а у Лизы он уже вырос немаленький и с горбинкой.

– Ты бы что? Не родила бы в восемнадцать лет, не развелась?.. – дружески перечисляет Мура. – А может, ты бы улетела в жаркие страны, как тукан?..

– Тукан? Это кто?

Мура показала Лизе картинку в энциклопедии, прочитала: «Орнитологи считают, что тукан является обладателем самого огромного клюва, составляющего треть от длины тела».

– Ах, вот ты как? Ты имеешь в виду, что мой нос составляет треть от длины тела?

Мура просто сказала первое, что пришло в голову, она много птиц знает. Ей жалко Лизу за то, что она безответственный человек, не созданный для материнства, и за длинный нос с горбинкой.

Все знают, что когда человек живет на Невском, к нему Заскакивают. Звонят и говорят: «Я заскочу по дороге на минутку».

Своймир находился на Фонтанке, в двух минутах от Невского, во флигеле дома напротив Аничкова дворца. Семья, конечно, занимала не весь дом, а квартиру на третьем этаже. На Фонтанку заскакивали Лизины подруги, старые подруги, новые, новые старые... Подруг привлекала не только Лиза: в доме пахло творчеством, как в других домах пахнет капустой. Дед, конечно, творил, не Лиза, но на нее как будто падал отсвет. К тому же можно было остаться до вечера и с кем-нибудь познакомиться: на Фонтанке вечерами собирались гости, те самые «вполне исторические личности» – актеры, писатели и поэты. Мура делила гостей на гостей с гитарой и без: кто-то просто читал стихи, а кто-то еще и пел. Совсем Не То называла исторических личностей «пришли-накурили». Дед отзывал Дусю в сторону и спрашивал: «Ну что, восхищались?» Дуся кивала. Восхищаться Мурой с ее медно-рыжими локонами и распахнутыми зелеными глазами было легко, и только ленивый не назвал ее Алисой в Стране Чудес... Мура-то мечтала, чтобы ее звали Алисой, а не вот этим кошачьим – мур-мур-мур...

Подруги заскакивали, усаживались на кухне с огромными окнами на Фонтанку и делились с Лизой подробностями личной жизни, а Лиза делилась с ними. Казалось бы, при чем тут Мура?

У Муры была одна черта, которая сначала ошарашивала, потом забавляла, потом раздражала: редкое для ребенка ее лет желание и умение принять участие в беседе. Но не так, как все люди: скажут что-то – выслушают ответ – опять что-нибудь скажут – помолчат. Мура говорила непрерывно. Когда ее спрашивали, уверена ли она, что ей именно сейчас есть что сказать, она честно отвечала: «Нет, я просто хочу поразговаривать». Лизины подруги и сами любили поразговаривать, они не хотели играть с Мурой в кто кого переговорит, и вскоре наступал момент, когда Муру просили: «Иди поиграй». Но не на ту попали! У Муры была специальная тактика, чтобы ее не выгнали.

– Моя жизнь полна лишений и выгоняний, – покорно говорила Мура и, пока все смеялись, незаметно занимала место за стулом. Стояла за стулом, слушала, узнавала новости и мир. Гости, счастливые, что Мура молчит, начинали говорить о своем. Мура, как тень, стояла за стулом. Она стояла за стулом Лизиных подруг, гостей – ученых, актеров, писателей и поэтов. Иногда кто-то спохватывался, говорил: «Тут ребенок!», а иногда нет. Мура стояла даже за стулом Дедовых аспирантов, хотя из разговоров аспирантов вынесла немного и все непонятое, но ей нравилась атмосфера – как будто происходило что-то важное, что придавало смысл всему и делало ее жизнь значительней.

Другие дети занимали в Своеммире большое, но нереальное место, как небо и звезды, – они есть, но никак конкретно с Мурой не связаны. Мура встречала других детей только на прогулке в Летнем саду или в Михайловском саду, играла с кем-то, но не успевала подружиться. В соседнем доме жила девочка, у которой была большая страшная собака. Девочка эта была волшебная, своей собакой и шубкой: на девочке была белоснежная шубка, и от этого Муре очень хотелось с ней дружить. Мура много о них думала перед сном: о собаке – укусит или все-

таки не укусит, и о девочке – подружится или нет. Мура хотела дружить, а девочка, наоборот, не хотела. Мура думала, это из-за того, что у девочки шубка беленькая, заячья, а у нее самой шубка коричневая, медвежья. Потом Мура перестала их встречать, они, должно быть, переехали. Девочка больше не входила в Своймир, но страшная собака осталась в Своеммире: Мура еще долго боялась ее перед сном.

Получается, что Своймир – это не обязательно были люди. Это даже не всегда были живые существа. Это часто были неживые существа. Например, в Своймир входила большая книга «Сказки Андерсена» в порванной черной глянцевой обложке, такой лакированной, такой красивой... Смотреть на эту книгу было страшным счастьем, гладить ее и нюхать тоже было счастьем, но поменьше.

...Второго сентября Своймир изменился навсегда. Второго сентября с раннего утра лил дождь, это был один из многих питерских дней, когда жалко будить ребенка, даже если его нужно вести в цирк. В Мурину комнату вошел кто-то с большим мешком. И, не разбудив, стал Муру одевать.

Мура с закрытыми глазами по очереди протягивала ноги и руки, чтобы на нее натянули колготки, надели маечку. Во сне ей казалось, что ее слишком уж сильно дергают туда-сюда, но она так и не проснулась. Мура проснулась, когда ее начали причесывать. У нее в волосах застрял зеленый леденец на палочке: вечером она тайком пронесла в кровать леденец, начала сосать леденец и уснула, вот леденец и приклеился к голове.

– Давай отрежем голову, чтобы не расчесывать, чик и все, – в полусне предложила Мура.

Мура думала, что ее одевает Дуся. А это была Лиза. Она машинально оглянулась в поисках больших ножниц, как будто и впрямь собиралась отхватить Муре голову.

Лиза вытащила из мешка коричневое платье, белый передник и ранец. И тут дверь распахнулась, и, как в мультфильме, в комнату ворвался Дед, за ним Главная бабушка, оба кричали и отталкивали Лизу от Муры.

– Мой ребенок первого сентября пойдет в школу, я отдала своего ребенка в школу, я имею право, это мой ребенок, – трусливо забормотала Лиза. Возможно, неудачный роман привел Лизу к мысли, что все ею пренебрегают, и она решила хотя бы раз настоять на своем и выкрасть Муру.

– Сегодня второе сентября. Первое сентября было вчера, – тихо и страшно сказал Дед.

– Вчера я проспала, – объяснила Лиза.

Когда семнадцатилетняя Лиза объявила отцу о своей беременности, она начала издали, как будто рассказывала сказку: давным-давно, в прежние времена женщины после семнадцати лет считались старородящими... и между прочим, это не такой уж неправильный подход. Когда Лиза объявила, что ушла от Мурино отца к другому, она начала с вопроса: «Ты ведь помнишь, что было с Ромео и Джульеттой? Так вот, я наконец-то полюбила по-настоящему...» В общем, объясняясь с отцом, Лиза всегда трусливо подкрадывалась из-за угла. И сейчас, как вор, прокравшись за Мурой с тайно купленной школьной формой, начала издали:

– Я молодец! Я все устроила! Вы же не хотите, чтобы Мура пошла в дворовую школу? Муре нужно идти в английскую школу на Невском, так? Вот и я говорю, там и английский, и дети из приличных семей. Но в английскую школу не попасть! Туда можно пойти по району, а мы, хоть и живем на Фонтанке, в десяти минутах пешком, относимся к другому району. Муре полагаются две районные школы, простые, дворовые... Если бы Мура была дочерью рабочего, ее могли бы взять в английскую школу в виде исключения. Но мы не рабочие, я не рабочий, и ты, папа, не рабочий... И что нам делать? Ты, папа, не стал бы просить, ты же ненавидишь что-то устраивать, просить... Я за один день сама обо всем договорилась! И ее взяли!.. Ну, папа, ты не понимаешь, что ей больше нельзя сидеть дома одной! Ты же другое поколение! Кстати, ты сам говорил, что ребенку необходима социализация!

Дед, бесспорно, сам говорил. Ребенку необходима социализация.

У Деда были очень прогрессивные взгляды, можно сказать, что он предвосхитил достижения психологии лет на пятьдесят: социализация нужна не только в своем кругу, но и среди двоечников и хулиганов. В противном случае ребенок вырастет беспомощной былинкой, не понимающей никакой социальной язык, кроме своего. Но, как часто бывает, Дед не замечал, что его прогрессивные взгляды – это одно, а конкретно Мура – совсем другое. Мура социализировалась раз в год на елке в Доме ученых, на прогулках в Летнем саду, а также в Эрмитаже, посреди мумий.

– Мура, ты ведь хочешь в школу? Это совсем не страшно, это здорово, – весело-убедительно, как продавец на рынке, сказала Лиза.

Мура уже знала: раз говорят, что не страшно, значит, будет очень страшно. Ее уже обманывали: медсестра в поликлинике сказала, что брать кровь из пальца не больно, как комарик укусит. Ничего себе комарик! Это было больно, как будто большущий комарище вцепился в ее палец! И сейчас ей было понятно: что-то не то происходит, раньше ее никогда не будили, она просыпалась сама и чувствовала запах блинчиков. Главная бабушка кормила ее блинчиками с вареньем, трогала губами лоб, говорила «давай на всякий случай померяем температуру» и только потом убегала на работу. Иногда на завтрак были макароны с сыром или бутерброд с сыром, плохо ли? Конечно, неплохо! Очень хорошо! У Муры была хорошая жизнь. Не слишком ли резко наступили иные времена?.. Но Лизе нужна была ее помощь, Лиза так явно попыталась поднять ей, защитить от гнева Деда, что Мура с готовностью ответила:

– Пожалуйста, можно мне в школу? Пожалуйста, пожалуйста...

– Но, моя маленькая, так не идут в школу, нужно подготовиться... – ошеломленно выдохнула Дуся.

Деду захотелось поскорей стереть с Дусино лица жалкое недоуменное выражение, как будто кто-то выкрал ее птенца из гнезда, и он уже открыл рот, чтобы сказать Лизе суровое «вон» или презрительное «кыш» – что скажется.

– Вот форма, вот ребенок, что еще нужно? Потеплее одеться? – решив, что ей нечего терять, усмехнулась Лиза и посмотрела на отца с намеком «ты всегда на ее стороне!».

Почему человек принимает резкое решение? Зачем Наполеон вторгся в Россию зимой? Почему Дед неожиданно встал на сторону дочери, а не жены? Может быть, он боялся оказаться неправым, навредить Муре, или его сразило, что он другое поколение. Может быть, не знал, как отреагировать на Лизино поведение (как она посмела?!), но не ссориться же с ней навсегда, не выгонять из дома, и разумно рассудил: настанет день, когда они будут над этим смеяться, и лучше превратить это в смешную историю для будущего, чем в трагедию, и решил достойно отступить. А может быть, так проявилась его любовь к Дусе, и он захотел продемонстрировать Дусе свою силу, решительность и даже отчасти мужество. А возможно, подумал: «Да пусть себе идет в школу, о чем речь?» Некоторые решения трудно объяснить.

– Почему ребенок не причесан? Почему не одет? Почему не кормлен? Безобразие! Она опоздает в первый же день! – С особенным выражением Дед произнес «Бе-зо-бра-зи-е!», он ведь привык строго спрашивать со студентов и аспирантов.

В школу шли все вместе, разделившись на пары: Дед с Лизой и Дуся с Мурой. Во дворе, у входа в школу, стояла черная «Волга». Лиза, увидев «Волгу», пробормотала: «О господи, нет!».

– А вот и я, – сказала Вторая бабушка и быстрым властным движением потянула Муру к себе. – Я тут, потому что сегодня очень важный день. Сегодня Мура вступает в общество.

Вторая выразилась так пафосно не без подтекста: именно она обеспечила Муре хорошее общество, а не какую-то там дворовую школу.

– Вот и закончилось детство, теперь все – школа, институт, работа... – печально сказала Муре Вторая бабушка, сама себя одернула и бодро продолжила: – Начались трудовые будни!

Школа! Институт! Работа! – И ехидно добавила, глядя на Лизу: – А кому-то предстоит всю жизнь рано вставать и провожать ребенка в школу, в институт, на работу.

– Это буду не я. – Лизе уже сейчас захотелось спать за все годы вперед.

Вторая бабушка не сдержалась и сказала, что Лиза не мать, а сплошное недоразумение. Лиза вдруг заплакала, не из-за того, конечно, что она недоразумение, а по своим личным причинам: раньше у нее были муж, свекровь и «Волга», а теперь вместо всего этого воспоминания о неудачном романе. За ней заплакала Мура, – ей хотелось спать сейчас, немедленно. За ней заплакали обе бабушки, Дуся заплакала вместе с Мурой, словно у них был один кран со слезами на двоих, а у Второй, как у Лизы, была своя личная причина плакать: например, как быстро прошла жизнь и какого черта она припёрлась сюда, после того как эта сука Лиза бросила ее сына. Плакала Дуся, плакала Вторая, плакала Лиза. Они провожали Муру в школу так, будто Мура уходила на войну.

...– Ладно, пойдём... нас ждет эта старая калоша.

Им было сказано прийти к завучу, завуч проводит их в класс, то есть Муру проводит в класс. Лиза не была знакома с завучем, ей казалось, что любой завуч – это своего рода старая калоша. Она недолюбливала учителей еще со времен своего детства.

И они повели Муру в школу. С Мурой должны были пойти только Лиза и Вторая, но Вторая великодушно пригласила Деда с Дусей проводить Муру всем вместе.

– ...А-а, вот и Мария Воронцова, добро пожаловать, – ласково сказала завуч.

Не надо думать, что так торжественно встретили бы любого первоклассника, явившегося в школу второго сентября в сопровождении заплаканных родственников. Муру встречали с таким почетом, потому что она была Внучка Своей Второй бабушки. Мура, можно сказать, была принцессой двух королевств: Профессорской внучкой, ребенком из академической среды, и одновременно внучкой Начальника. Вторая была «вторым человеком в районе», начальником Управления торговли... или что-то вроде того, как говорил Дед, по его тону Мура понимала, что он не любит начальников, управление и торговлю. Лиза похвасталась, что она сама устроила Муру в английскую школу, но это было вранье, она лишь попросила бывшую свекровь. Договориться о том, чтобы Муру взяли в английскую школу, стоило бывшей свекрови одного звонка, одного крошечного звоночка.

Если кто-то скажет, что в советское время все были равны, то он просто не в курсе. В советское время все были в такой степени не равны, что только держись! Все будто жили в шкафу, и каждый находился строго на своей полочке: на полочке «младшие научные сотрудники», или «торговые работники», или «стоматологи». Дед говорил про Вторую: «Ей бы полком командовать». Из этого было ясно, что полком она не командовала. Вторая была начальником Управления торговли, а с учетом дефицита всего, что человек носил на себе, от ботинок до ушанки, понятно, почему она имела Очень Большой Вес, в смысле большие возможности, поэтому ее называли вторым человеком в районе. Мура, получалось, была сразу на двух полочках: на полочке «профессорские внучки» и на полочке «внучки начальников».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.